

Арестанты уже проснулись. Ван Юдэ сидел всё такой же унылый, а Ху-Рябой наконец-то притих. Осмотрев себя, он обнаружил, что его вымыли дочиста и переодели в свежее платье. Больше при нём ничего не было.

Сама камера оказалась новой — а в такой никто прежде не сидел, так что и подкопов быть не могло. Но больше всего его бесило одиночество. Те двое молчали, а он сидел за решёткой один-одинёшенек. Даже сорвать злость было не на ком — ни одного козла отпущения в пределах досягаемости.

Но главное — кормили трижды в день, да так сытно, что на воле не всякий раз поешь. И в камере было тепло, не окоченеешь. Одежда с матрасами пусть и не новые, но на ощупь сразу чувствовалось: вата внутри свежая, мягкая.

И стелить, и укрываться — одно удовольствие. В камере поддерживали приятное тепло, да и тёплой воды хватало. Вот только Ху-Рябой понятия не имел, сколько его здесь продержат. Наёмных убийц под рукой больше не было, так что с теми двумя ему в одиночку не совладать. Задаток от таинственного нанимателя он уже получил и давно спустил до последнего медного гроша. Провал дела и возврат долга — ещё полбеды, больше всего он боялся, что его просто заставят замолчать навеки.

Что это за люди?

Он не знал, но нутром чуял: твари ещё те, пощады от них не жди.

Здесь он сытно ел, сладко спал, а на теле не красовалось ни единой ссадины. Выйди он сейчас на волю в таком холёном виде — кто поверит, что он в застенках... не проболтался?

Любой бывалый арестант знает: без ценных сведений такого царского обращения в темнице не заслужить.

Ху-Рябой распалялся всё сильнее, и с каждым мигом его охватывал всё более липкий страх. Если так пойдёт и дальше, то на свободе его ждёт лишь одно — скорая и жестокая расправа.

О чём размышлял Ван Цзо, оставалось загадкой. Он неподвижно сидел в углу, но его благородная, величественная осанка умудрялась превращать убогие тюремные стены в подобие роскошного дворцового покоя.

Эту причудливую картину и застал Дин Тянь, явившийся с утренней похлёбкой.

Ну и семейка подобралась, один чуднее другого.

— Время есть, — негромко позвал Дин Тянь, принимаясь за раздачу. — Давайте сюда ваши кувшины.

Ван Цзо скользнул по нему взглядом и сухо спросил:

— Надо же, неужели в блоке для особо опасных за порядком должен следить лично главный тюремщик?

Дин Тянь смерил его долгим взглядом.

— Угу, — коротко бросил он.

А кому ещё сторожить? Не доверять же это дело тем шести псам, которых он держал на побегушках.

Ван Цзо собирался расспросить главного тюремщика подробнее, но, перехватив его странный, многозначительный взгляд, решил придержать язык. Момент для расспросов явно не подходил.

К тому же все трое сидели здесь безвылазно, оставаясь в полном неведении о том, что творится за стенами управы.

Ван Юдэ по-прежнему походил на живой труп, но аппетит у него не пропал, а это главное.

Дин Тянь наполнил их кувшины свежей водой, подмёл пол и вынес отхожие бадьи, наведя в камерах образцовую чистоту.

И ладно Ху-Рябой, но даже выдавший виды Ван Цзо терялся в догадках.

Ему, человеку его круга, доводилось бывать в разных казематах, но даже в губернских тюрьмах не сыскать было подобной чистоты. Камера блестела, а прямо на стене, под мощной деревянной балкой, висело изречение, выведенное аккуратным почерком в строгой рамке:

«Повинную голову меч не сечёт, упорствующему — кара без милости!»

В этот миг Ван Цзо безумно захотелось узнать, что же красуется в соседних камерах.

Закончив работу, Дин Тянь изрядно притомился и вспотел. Он прибрал инвентарь и тщательно вымыл руки. Волосы он трогать не стал — боялся подхватить простуду. Зимой мытьё головы превращалось в целую науку: нужно было дожидаться полудня, когда солнце поднимется повыше, а в его каморке станет жарко от жаровни.

Не успел он приняться за обед, как в дверях появился Линь Ци.

— Там на улице драка, — выдохнул он. — Буянов скрутили и доставили к нам. Найди для них свободный уголок, пусть поостынут взаперти.

— Договорились, — кивнул Дин Тянь. — Наконец-то хоть какая-то работа по специальности. А за что их взяли?

Такие вещи следовало фиксировать сразу.

— Да обычная кулачная забава, — махнул рукой служка управы. — То ли перебрали лишнего, то ли языками зацепились. Пустяки, в общем.

— Понятно.

В крошечном уездном городке зимой жизнь замирала. Народ сидел по домам, спасаясь от холодов, так что кроме редких пьяных драк да уличной ругани ничего и не случалось.

Дин Тянь выбросил это из головы. Немного передохнув в своей каморке, он дождался полуденного зноя и всё же решился вымыть голову. В этой эпохе всё было замечательно, кроме бытовых удобств. К тому же у местных царил нерушимый закон: «Тело, кожу и волосы нам даруют родители, и негоже их осквернять укорачиванием». Стричься строго запрещалось, можно было лишь слегка подрезать кончики. В своей прошлой жизни Дин Тянь привык к практичному короткому «ёжику», а теперь обзавёлся длинными, густыми прядями. Всякий раз, заплетая их, он с трудом подавлял искушение просто взять в руки ножницы.

К счастью, будучи мужчиной, он носил волосы чуть ниже плеч. Окажись он в теле девицы с косой до пят — точно бы руки на себя наложил от тоски.

Волосы ещё не успели высохнуть, когда в тюремный коридор ввели задержанных.

Обоих разукрасили на славу: лица в ссадинах, одежда изодрана в клочья. Конвоировали их лично Жэнь Цин и Линь Бай. Даже с закованными в колодки запястьями эти двое ухитрились брызгать слюной и осыпать друг друга отборной бранью. Судя по их яростным выкрикам, всему виной была какая-то женщина.

— Тянь-эр, эти два бесстыдника среди бела дня устроили потасовку из-за похотливой вдовушки, — сокрушённо покачал головой Жэнь Цин, ведя себя с привычным покровительством старшего брата. — Запри их понадёжнее, пусть в холоде мозги проветрят. Кормить не надо, обойдутся. Налей только горячей воды, чтоб не замерзли.

— Всё сделаю, Старший брат Жэнь, — кивнул Дин Тянь.

Раз сажают всего до вечера, значит, дело пустяковое.

Дебоширы продолжали изрыгать проклятия. Дин Тянь велел конвоирам развести их по двум самым первым камерам у входа, которые как раз служили для временного содержания мелких нарушителей.

— Полно вам лаяться, — прикрикнул на них главный тюремщик. — Устроили посмешище на глазах у всего города из-за бабы. Остыньте уже. Здоровые ведь лбы, пора бы о престарелых родителях подумать и за ум взяться, а вы только о чужих юбках и бредите.

Тюремный окрик подействовал — смутьяны угрюмо замолчали. Дин Тянь лично запер их в разные углы. В этих помещениях редко кого держали, поэтому кан греть не стали, и внутри было довольно зябко. Пожалев бедолаг, Дин Тянь выставил каждому по кувшину горячей воды.

— Сидите тихо и думайте над своим поведением. К ужину вас, скорее всего, отпустят.

С такими мелкими нарушителями возиться не любили: ни обеда им не полагалось, ни тёплой постели. Слишком много чести для обычных драчунов — пусть померзнут немного, спесь мигом сойдёт.

Дин Тянь мыслил бесхитростно, однако у его начальства на этот счёт были совсем иные соображения.

— Заперли голубчиков? — поинтересовался Господин Ма у своего советника Сина.

— Так точно, сидят под замком, — ехидно ухмыльнулся тот в ответ. — Я уже навёл справки. Парни эти не здешние, приехали издалека скупать пушнину. Торговцы.

— Рассказывай толком, — судья Ма алчно потер ладони.

— Родственники они, двоюродные братья, — охотно пояснил советник Син. — Путешествуют под началом своего дяди, старшего приказчика крупного торгового дома. Пацанов взяли в дорогу ума-разума набираться. Говорят, Новый год планировали в пути встретить, вот и заглянули к нам в уезд. Сами понимаете, в Северном военном лагере служивым зимой заняться нечем. На досуге они промышляют охотой. Дичь съедают, а шкур скапливается столько, что девать некуда. Вот они и сбывают их потихоньку, чтобы копеечку в карман положить. И Вице-генерал Ван, и великий генерал Цао на это сквозь пальцы смотрят, дело-то обычное. В гарнизоне стрелков хватает, шкуры у них чистые, не попорченные, так что и ценятся высоко. Крупные купцы всегда стараются закупаться у военных: объёмы большие, а качество отменное. Вот и эти двое за тем же прибыли. Но пока их дядька занят делами, племяннички, которые ещё дома друг друга на дух не переносили, умудрились увлечься одной разбитной вдовушкой из управы. Всю дорогу из-за неё лаялись, а сегодня прямо на людной улице в рукопашную пошли. Тут их наши служки управы тепленькими и взяли. Спросили у меня, как быть, а я велел запереть обоих. Не сомневаюсь, их дядюшка-приказчик уже места себе не находит и скоро сам прибежит с поклоном и тугим кошельком, лишь бы замять дело.

— Вот и славно, вот и чудесно! — довольно рассмеялся Господин Ма. — Значит, мне остаётся лишь сидеть и ждать, пока серебро само приплывёт в карман.

И серебро действительно не заставило себя долго ждать.

Уже через час порог управы переступил тот самый старший приказчик в добротном дорогом шёлковом халате. Сопровождали его двое юрких слуг, несших богато украшенный судок для еды. Купец слезно просил аудиенции у господина уездного судьи.

В это время в тюрьме Дин Тянь всю кашеварил. Решив, что негоже постоянно потчевать узников пресной кукурузной кашей, он расщедрился на ужин посытнее: испёк пышные кукурузные лепёшки, наварила супа с редькой и на скорую руку настругал капусты в кисло-сладком соусе. Простые люди на воле о таком ужине могли только мечтать.

Молодой тюремщик не пожалел свиного сала для наваристости. Сам он ужинал тем же самым, разве что побаловал себя горстью жареного арахиса, оставшегося со вчерашнего обеда.

Пока окончательно не стемнело, он разнёс еду обитателям секретного крыла и наполнил их кувшины свежим кипятком.

Забирая пустую посуду на обратном пути, он заметил, что уличные забияки притихли и угрюмо сидели по углам.

Дин Тянь едва успел навести порядок и присесть за стол, намереваясь наконец поужинать, как в дверях звякнули ключи. За буянами пришли Чэн Да и Линь Ци.

— Не прошло и полдня, а за этих недотёп уже выкуп внесли, — ухмыльнулся Линь Ци.

— Так быстро? — удивился Дин Тянь.

Он вытащил связку, отпер замки и выпустил драчунов, передавая их Чэн Да.

— Они ведь всего лишь немного подрались на улице...

— Ну да, всего лишь подрались, а наш ненасытный Господин Ма содрал с их дядьки целых двести лянов серебра, — едва слышно проворчал Линь Ци.

— Сколько?! — Дин Тянь ошеломлённо вскинул голову.

— Ничего-ничего, пошли быстрее, — торопливо буркнул служка управы и потянул задержанных к выходу.

Дин Тянь нахмурился. Да уж, дела в управе творились поистине удивительные.

Вскоре один из молодых слуг вернулся. Воровато оглядевшись, он подошёл к решётчатой двери и протянул Дин Тяню изящный вышитый кисет.

— Наш хозяин шлёт вам низжайший поклон за то, что присмотрели за молодыми господами.

Дин Тянь без лишних слов принял подарок.

— Пустяки, служба такая.

Отказываться от подношений было глупо, да и опасно. Стоявший неподалёку Линь Ци уже вовсю поигрывал своим кисетом — тот был чуть поменьше, чем у главного тюремщика, но тоже приятно побрякивал. Раз уж поживой делились со всеми, строить из себя честного праведника означало навлечь на себя подозрения товарищей.

Освобождённые братья уходили насупившись, продолжая злобно зыркать друг на друга — типичные избалованные барчуки, не знавшие слова «нет».

Дин Тянь вернулся в свою каморку и развязал шёлковый шнурок. На его ладонь с мягким стуком выпали два золотых слитка в форме крошечных лодочек-самородков.

Крошечные, весом едва ли в пару цзяней, но из чистейшего, мягкого золота, они маняще поблёскивали в свете масляной лампы.

У Дин Тяня даже в глазах зарябило. Такое сокровище стоило больше, чем его жалование за добрых полгода!

Обычный простолюдин за всю жизнь мог ни разу не подержать в руках столь чистого золота.

Древние времена — не современность, где при деньгах можно купить драгоценный металл в любой ювелирной лавке. В эту эпоху золотые слитки ходили исключительно среди знати и богатейших купеческих гильдий. Простые смертные даже коснуться их боялись, опасаясь обвинений в краже.

Щедрость заезжего купца поражала: если простому главному тюремщику за несколько часов ненавязчивого надзора перепало такое богатство, то сколько же серебра осело в широких рукавах Господина Ма?..

Дин Тянь бережно припрятал золото. Он решил сохранить эти слитки до Праздника весны и подарить двум своим младшим кузинам. А четверым двоюродным братьям к праздничному столу вполне хватит и по миске наваристой свинины с подливой. Девочек следовало баловать и

оберегать, а мальчишек — держать в строгости.

Свой ужин он приготовил в том же котле, что и для узников, разве что его доля томилаась на углях подольше, отчего похлёбка вышла наваристой и густой, да и миска хрустящего арахиса пришлась как нельзя кстати.

Он едва успел расправиться с едой и прибрать посуду, как в его каморку ураганом ворвался Линь Ци.

— Ну и день! — так и сиял стражник. — Настоящее золотое дно!

<http://bllate.org/book/19387/1997483>